

§6 ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Зиновьева Е.С.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТАХ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

***Аннотация.** Статья посвящена изучению роли социальных медиа в современных международных конфликтах, а также рассмотрению существующих в научной литературе подходов к исследованию этого нового феномена. Развитие социальных медиа, в значительной степени трансформирует природу конфликтов и подходы к их урегулированию. По мере того, как социальные медиа становятся неотъемлемой частью международной политики и влияют на ход протекания и природу конфликтов, исследователи отходят от технооптимизма в оценке новых интернет-коммуникации, в соответствии с которым новые медиа способствуют демократизации снижению конфликтности, и рассматривают новые медиа как фактор эскалации конфликтов, таким образом, все большую популярность приобретает технопессимизм. В работе используется междисциплинарная теоретико-методологическая база – философии технологии и теории политических коммуникаций. Теория политических коммуникаций позволяет проанализировать особенности новых медиа и их роль в политической коммуникации в условиях конфликта, в то время как философия технологий дает возможность оценить влияние технологий на социальные процессы, в том числе и международные конфликты. Основным выводом проведенного исследования является констатация недостаточного внимания в исследовательской литературе к потенциалу социальных медиа в урегулировании конфликтов. Новые медиа, как и любая другая технология, нейтральны, и могут быть использованы различными группами и в целях разжигания, и урегулирования конфликтов. Автор показывает, что*

Работа выполнена по гранту РГНФ № 15-37-11128.

в современных условиях нарастания международной конфликтности актуализируется проблема выработки новой исследовательской повестки дня, учитывающий риски и неоднозначный характер влияния социальных сетей на общество и политический процесс, для чего необходимо в исследованиях привлекать инструментарий теории политической коммуникации, результаты анализа на основании больших данных и инструменты конфликтологии и теории международных отношений.

Ключевые слова: политическая коммуникация, урегулирование конфликтов, информационная безопасность, интернет, мировая политика, международные конфликты, социальные сети, социальные медиа, философия технологии, управление конфликтом.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of social media in contemporary international conflicts, as well as review of existing scientific approaches to the study of this new phenomenon. The author uses an interdisciplinary theoretical and methodological framework – the philosophy of technology and theories of political communication. The theory of political communication allows to analyze the characteristics of new media and their role in political communication in conflict, while the philosophy of technology makes it possible to assess the impact of technology on social processes, including international conflicts. As soon as the social media have become an integral part of the international policy and conflicts, the researchers are moving away from techno optimism in the evaluation of new Internet communications, according to which new media contribute to the democratization, the reduction of conflict, and consider the new media as a factor in the escalation conflicts, so techno pessimism becomes increasingly popular. At the same time, new media, like any other technology, are neutral and can be used by different groups for resolution as well as escalation of conflicts. However, studies on the role of social media in conflict resolution are underrepresented in the modern scientific literature. The author is proposes research agenda on the role of new media in the settlement of current conflicts.

Key words: international conflicts, world politics, internet, information security, conflict resolution, political communication, social networks, social media, philosophy of technology, conflict management.

Социальные сети и Web 2.0 технологии как новый феномен развития информационного общества

На современном этапе развитие социальных медиа и формирование Web 2.0 стало значимой тенденцией, определяющей облик Интернета и глобального информационного пространства в целом. Ключевыми инновациями, приносимыми социальными интернет-технологиями, являются высокая степень их проникновения и значительные объемы ежедневно передаваемой информации, а также новый тип сетевой структуры, по которой передается информация.

Социальные медиа позволяют пользователям Интернета связываться друг с другом, обмениваться информацией: текстами, фотографиями, видео и аудио-записями. Причем пользователи становятся активными создателями контента и могут составить конкуренцию крупным медийным корпорациям. На практике находит свое воплощение модель коммуникации «многие-ко-многим». Масштабы и популярность социальных сетей как средства коммуни-

кации во всем мире возрастают. Показательно, что в 2009 г. впервые число пользователей социальных сетей превысило число пользователей электронной почты, которая до этого была самым популярным он-лайн сервисом.

Термин Web 2.0, с помощью которого описывают современный этап развития глобального информационного пространства, где немаловажную роль играют социальные медиа, был предложен Т. О'Рейли в 2003 году [1]. О'Рейли выделил 7 ключевых принципов, на которых основано развитие всемирной сети:

- Интернет становится ключевой платформой политического дискурса;
- использование Интернета в политических целях формирует коллективное самосознание пользователей сети;
- значимость данных превышает значимость программного обеспечения и технической инфраструктуры;
- быстрая трансформация публичной политики в результате использования социальных медиа;
- распространение политического контента с помощью различных приложений,

- обширная пользовательская аудитория на политических сайтах [2].

Исследователи акцентируют внимание на том, что социальные медиа и Web 2.0 технологии способствуют коллективным действиям, в силу чего они обладают значительным политикообразующим потенциалом, как в рамках отдельного государства, так и на уровне транснациональной политической среды [3]. Можно сказать, что ИКТ играют значительную роль экстрапарламентарной политической активности, создавая возможности для новых форм политического участия, которые без них были бы невозможными. Наметилось формирование новой подвижной публичной сферы, сетевых объединений граждан на основании горизонтальной гражданской коммуникации, которые усиливаются в информационном пространстве. Интернет создает условия для коммуникации в глобальном масштабе, благодаря чему сетевые сообщества могут создаваться без временных и пространственных ограничений [4], что способствует глобализации и усилению взаимозависимости, выработке коллективных подходов к решению глобальных проблем с при участии транснационального гражданского общества.

Вместе с тем, популярность Интернет-коммуникации и новых медиа не только объединяет людей, предоставляя новые возможности коммуникации, но и создает опасность поляризации и раскола, как в рамках отдельных обществ, так и на глобальном уровне. Как показывают социологические исследования, пользователи социальных сетей, таких как Twitter, Facebook и др., склонны к радикализации мнений и формированию изолированных Интернет-сообществ [5]. В 2000 году Р. Патнэм предостерегал о возможности «киберпартеида» и «кибербалканизации»: «политическая культура Интернета по своей сути либертарианская и по многим аспектам Интернет представляет собой естественное состояние в Гоббсианском, а не Локковском смысле» [6, p.1]. Другие социологи высказывали схожие опасения, в том числе М. Кастельс [7]. К. Санстейн утверждал, что «новые технологии, прежде всего Интернет, усилили способность людей слышать только свой собственный голос и отгораживаться от других» [8].

Таким образом, социальные медиа и Веб 2.0 технологии представляют собой инструменты, который обладают рядом функций в политической коммуникации в глобальном масштабе, – позволяют получить представление о событиях,

происходящих в мире, формируют взаимоотношения к тому или иному событию, позволяют распространять информацию, в том числе культуру, ценности, религию и пр., а также выполняют развлекательную функцию. При этом каждой функции, которые выполняют медиа, есть оборотная сторона, т.е. «дисфункция» (медиа предоставляют информацию людям, которую они впоследствии могут использовать, как на пользу, так и во вред себе и обществу в целом – напр., СМИ распространяют информацию о природном бедствии, чтобы люди имели возможность подготовиться и принять меры, но эта же информация может спровоцировать панику и хаос и др.). Таким образом, невозможно просчитать положительные и отрицательные последствия использования социальных медиа, их влияние на международный конфликт может быть двояким – они могут как способствовать урегулированию конфликтов, так и разжиганию.

Мировая политика как среда протекания международных конфликтов: влияние социальных медиа

Исследуя роль социальных медиа в современных конфликтах нельзя не обратиться к их влиянию на мировую политику и международные отношения, так как именно характеристики мирополитического развития в конкретный период времени определяют природу международных конфликтов и ход их протекания.

Современные он-лайн коммуникации оказывают влияние на мировую политику, вступая в противоречие с Вестфальской политической системой мира. Информация, передаваемая по каналам социальных медиа, легко пересекают государственные границы, и ставит под вопрос способность государства контролировать политические коммуникации, обеспечивать информационный суверенитет, что лежит в основе политической системы мира. Традиционно государства не только регулировали коммуникацию внутри своих границ (речь идет, прежде всего, о политической коммуникации), но и выступали в качестве источника формирования политических дискурсов. Государства стремились исключить из информационного пространства дестабилизирующие дискурсы, и при этом усилить национальную идентичность при помощи политической коммуникации, однако в эпоху социальных медиа это становится труднореализуемым. Как отмечал Б. Андерсон, любая нация –

«это воображаемая общность» [9], поэтому роль государства в создании и поддержании идентичности чрезвычайно важна. Таким образом, контроль над политической коммуникацией для государства является важным условием политической стабильности. Прежде всего, это обстоятельство обуславливает значимую роль социальных медиа в современных внутригосударственных и международных конфликтах, грань между которыми в условиях глобализации и трансформации Вестфальской политической системы мира постепенно размывается.

Информационная революция изменила значение категории «силы» на международной арене, природу акторности, а также стратегии различных акторов. По выражению Д. Найя, в условиях глобальной информатизации происходит «диффузия власти» на международной арене – правительства утратили значительную часть монополии на контроль над информационными потоками, что способствовало размыванию суверенитета и усилению негосударственных акторов [10, р.1]. Силовой инструментарий дополнился категорией «мягкой силы», при этом эксперты отмечают, что методы силового воздействия в значительной степени сращиваются и дополняются инструментами публичной дипломатии, которая позволяет перевести ресурсы «мягкой силы» в конкретные действия на международной арене [11]. Успех «мягкой власти» и публичной дипломатии в значительной степени опирается на коммуникации, причем в современных условиях важнейшую роль играют социальные медиа.

Развитие социальных медиа, в значительной степени трансформирует природу конфликтов и подходы к их урегулированию. В публицистике и исследовательской литературе появляются термины «информационная война», «информационный конфликт», «информационное противоборство». Вместе с тем, сегодня речь не идет об информационных войнах в чистом виде, информационные методы воздействия дополняют традиционные средства, используемые государствами и негосударственными акторами для достижения своих целей. По выражению А. Гилева «Современная война многомерна. Она сочетает информационное, военное, финансовое, экономическое и дипломатическое воздействие на противника в реальном времени» [12]. Д. Най также отмечает значимость информационного воздействия в обеспечении безопасности в конфликтах. Он полагает, что в современных кон-

фликтах, военные силы и нерегулярные силы, комбатанты и гражданское население, физическое разрушение и информационное воздействие тесно переплетены. Более того, наличие камер в каждом мобильном телефоне и программы для редактирования фото на каждом компьютере, лишь усиливают информационную составляющую современного межгосударственного противостояния [13, р.34]. Действительно, сегодня информационное освещение, в том числе посредством социальных сетей является неотъемлемым компонентом международной политики, в том числе и международных конфликтов.

Отметим, что медиа на протяжении всей истории играли значительную роль в конфликтах. Из широко известных примеров современности можно назвать радио и телевидение, которые были использованы конфликтующими группами как средство эскалации насилия в межэтнических конфликтах в Руанде и Боснии.

Одним из первых примеров использования новых медиа в организации социальных протестов стало движение Запатиста в Мексике. События Арабской весны, получившие в прессе названия «Twitter-» или «Facebook революций», привлекли внимание к роли новых социальных медиа в протестных движениях и последовавших за ними в ряде государств внутригосударственных конфликтах. Арабская весна стала не первым и далеко не единственным примером использования социальных медиа и интернет-коммуникаций в организации массовых протестов и беспорядков, новизной характеризуется лишь масштаб конфликтов и их интернационализация и влияние на международную повестку дня. Использование социальных медиа для организации массовых протестов также происходило и в странах Запада – в США, Испании, Греции и ряде других стран. Карикатурные скандалы в Дании и во Франции в очередной раз доказали, что трансграничное распространение политически чувствительной информации посредством СМИ и социальных медиа, может провоцировать конфликтность.

Особенностью социальных медиа является отсутствие традиционных «привратников» (газет и телевидения, которые ранее имели возможность определять новостную повестку дня и характер подачи информации), что позволяет выйти на глобальную аудиторию отдельным пользователям сети. Таким образом, социальные медиа играют роль новых привратников, трансформируя политическую коммуникацию в гло-

бальном масштабе, что оказывает влияние и на сферу мирополитического.

Роль социальных медиа в современных международных конфликтах: основные подходы к исследованию

Как уже было отмечено выше, большая часть исследований роли социальных медиа в современных конфликтах посвящена именно анализу событий Арабской весны. Движущей силой в протестных движениях была молодежь, которая стала совершенно новой, не оформленной идеологически политической силой. Именно в молодежной среде число пользователей современных социальных сетей достаточно высоко, чтобы делать предположения о значительной роли интернет-коммуникаций в организации антирежимных протестов. Вместе с тем, большинство исследователей задавались вопросом – играют ли социальные медиа самостоятельную роль в протестах, будучи их главным катализатором, или же они лишь предоставляют удобные каналы коммуникации, чья роль в конфликте является вторичной?

Результаты исследования, проведенного в августе 2010 г. Институтом исследований мира США, показывают, что новые медиа оказывают влияние на общественное мнение, смягчают либо обостряют межгрупповые конфликты, способствуют коллективным действиям, провоцируют негативную обратную реакцию в государствах с авторитарными режимами, а также привлекают международное внимание к определенным странам. Вместе с тем авторы исследования полагают, что сделать однозначные выводы о влиянии социальных сетей на протесты и революции в странах Северной Африки и Ближнего Востока не представляется возможным. Традиционные СМИ до сих пор являются не менее, а зачастую даже более влиятельными по сравнению с социальными медиа [14].

Исследование «Гражданские инициативы: влияние Facebook и Twitter», проведенное Дубайской школой управления, показывает, что социальные сети, пользователи которых все чаще ставят перед собой политические задачи, сыграли важную роль в мобилизации граждан и формировании общественного мнения. При этом любопытно, что количество пользователей социальной сети Facebook в первые месяцы 2011 г. выросло на 30% [15]. Таким образом, исследователи приходят к схожим выводам о значимом, но

не первостепенном влиянии социальных медиа на организацию массовых протестов и революций в странах Северной Африки и Арабского Востока.

Среди западных исследователей социальных сетей распространен либеральный дискурс, согласно которому новые социальные медиа создают уникальные возможности для включенного политического участия, несут с собой «экономическую демократию», создают возможности для новых форм политической борьбы («Twitter революции»), способствуя демократизации и формированию «партиципаторной культуры» и т.п.

Вместе с тем, все чаще публикуются работы с более пессимистичными оценками роли социальных медиа, что стало в некоторой степени ответом на события Арабской весны. Авторы высказывают опасения, что социальные медиа выступают инструментом внешней политики государств и могут быть использованы как инструмент дестабилизации ситуации, как в рамках отдельной страны, так и региона в целом. Подобный подход может быть рассмотрен как пример «технопессимизма».

В исследовательской литературе также можно встретить точку зрения, согласно которой США сыграли определенную роль в разжигании протестов Арабской весны, имея возможность воздействовать на общественные настроения и динамику самоорганизации при помощи инструментов «цифровой дипломатии», основанной на использовании социальных сетей для взаимодействия с широкими кругами граждан зарубежных государств [16] [17].

В исследовательском сообществе США отношение к практике «цифровой дипломатии» неоднозначно. Сотрудник Джорджтаунского университета Е. Морозов обращает внимание на опасности, которые таит в себе широкое применение социальных сетей. Сервисы Web 2.0 предоставляют новые возможности не только дипломатам и прозападно ориентированным группам, но и радикальным организациям [18]. В свете парламентских выборов в Египте в 2012 г., когда большинство мест в нижней палате получили представители политического крыла организации исламистского толка «Братья-мусульмане», его выводы представляются не лишними оснований.

Выводы Е. Морозова подтверждает также исследование информационной политики, проводимой ИГИЛ посредством социальных

медиа. ИГИЛ в пространстве социальных сетей решает политические задачи, имея возможность взаимодействовать с широкой аудиторией по всему миру. Действия данной организации в глобальном информационном пространстве характеризуются стратегией, основанной на использовании новых медиа в целях политической Интернет-коммуникации – распространении через онлайн-ресурсы профессионально смонтированных видеороликов, демонстрации фотографий с места боевых действий, публикации сообщений на разных языках в социальных сетях и блогах и др. Интернет-медиа используются ИГИЛ для расширения числа сторонников, привлечения новых бойцов, устрашения врагов и доказательства того, что им действительно удалось создать исламское государство, основанное на религиозных канонах.

Рядом исследователей, в том числе российских [16] [17], социальные сети воспринимаются как каналы «мягкого» влияния США, которые имеют возможность инспирировать с их помощью цветные революции.

Эта точка зрения находит свое отражение и в международной практике. Закрытие доступа к социальным сетевым сервисам, управляемым Интернет-компаниями, базирующимся в США, является широко распространенной практикой. Аббревиатура SICK (Syria, Iran, China, North Korea) появилась в Интернете в 2012 году и включает в себя названия стран, в которых запрещен доступ к популярной во всем мире социальной сети Facebook. Аналогичной позиции придерживается Российская Федерация. Согласно принятому в 2013 г. документу «Основы государственной политики в сфере информационной безопасности до 2020 г.» в дополнение к широко признанной в российской политике и дипломатии «триаде угроз» международной информационной безопасности, которая включает в себя террористическую, преступную и военно-политическую, была указана четвертая – использование Интернет-технологий для «вмешательства во внутренние дела государств», «нарушения общественного порядка», «разжигания вражды», «пропаганды идей, подстрекающих к насилию». Подразумевается поддержка использования социальных сетей для организации антиправительственных акций [19].

В последние годы в фокусе внимания исследователей оказались не только события Арабской весны, но и роль социальных сетей в конфликтах на Африканском континенте, Латинской Амери-

ке, в арабо-израильском конфликте и в гражданской войне на Украине. Так, в мае 2015 года вышел специальный номер журнала Исследования мира, посвященный исследованию коммуникаций, технологий и политических конфликтов. Значительная часть статей, опубликованных в этом номере, прямо или косвенно затрагивает проблематику роли социальных медиа в современных международных конфликтах.

Н. Вейдман отмечает, что широкое распространение социальных сетей способствует эскалации насилия в вооруженных конфликтах [20]. Т. Варрен доказывает данный тезис на основании эмпирического анализа вооруженных конфликтов в странах Африки доказывает, что распространение массмедиа (коммуникация по типу один-ко-многим) способствует развитию связей между гражданами и государством, что снижает уровень коллективного насилия, в то время как распространение социальных медиа в регионах с отсутствием доступа к массовым медиа способствует увеличению уровня насилия [21].

Социальные сети способствуют интернационализации конфликтов и их распространению на другие государства, так как информация о насилии провоцирует внутригосударственных акторов в других государствах за счет демонстрационного эффекта, причем географическая близость между странами не так важна, как наличие налаженных коммуникаций между населением и лидерами этнических групп. Кроме того, наличие каналов коммуникации, с помощью мобильных телефонов и социальных медиа, как отмечает К. Байлард, вооруженные группировки могут повысить эффективность коллективных действий за счет дешевой и оперативной коммуникации, а также повышают склонность группы к самоорганизации благодаря более эффективной коммуникации об общих проблемах и недовольствах [22].

Т. Зейтсофф доказывает, что социальные медиа используются не только для внутригрупповой коммуникации конфликтующих сторон, но и для взаимодействия с более широкой международной аудиторией. Исследуя роль социальных сетей в конфликте Израиля и ООП, он отмечает, что рост внимания международных акторов, США, Египта, ООН усиливает интенсивность конфликта как со стороны Израиля, так и ООП. Вместе с тем, осуждение со стороны международной аудитории способствует более сдержанному поведению со стороны Израиля, и более агрессивному со стороны Хамас [23].

Таким образом, начинает формироваться предметная область исследований, посвященная изучению роли социальных медиа в современных конфликтах. Большинство исследователей отмечает значимую роль социальных сетей в эскалации конфликтов, прежде всего, внутригосударственных. При этом, внутригосударственные конфликты имеют тенденцию к интернационализации, на что определенное влияние оказывают и социальные медиа как каналы коммуникации. Наиболее разработанной является проблематика роли социальных сетей в событиях Арабской весны, исследователи сходятся во мнении, что, несмотря на то, что определяющими факторами массовых протестов стали исторические, культурные, социо-экономические и политические, социальные медиа использовались в координации протестных действий, а также способствовали интернационализации протестов.

Вместе с тем, социальные медиа представляют собой технологию для передачи информации, призванную упростить досужее общение, которая стала политизированной в результате ее широкого распространения. В этой связи, перспективной и малоизученной проблематикой является применение социальных медиа в целях урегулирования конфликтов и миростроительства.

**Новая исследовательская повестка дня:
потенциал социальных медиа
в урегулировании
международных конфликтов**

Социальные медиа представляют собой технологический инструмент, который может быть использован как в разжигании конфликтов, так и в их урегулировании. По мнению американского социолога М. Кастельса, широкое распространение социальных сетей и новых медиа и их использование государствами следует рассматривать не как угрозу международной безопасности, а скорее как источник новых возможностей для развития и разрешения современных глобальных проблем и конфликтогенных ситуаций, масштаб которых несоизмерим с возможностями и ресурсами отдельно взятого государства. Глобальные информационные сети и социальные медиа предлагают возможности для формирования глобального гражданского общества и глобальных дискуссий. Публичная дипломатия в таком контексте рассматривается

не как дипломатия государства, но как народная дипломатия, которая создает основу для национальной публичной дипломатии и действует поверх межгосударственных отношений, основываясь на общих подходах [24].

Действительно, обсуждение внешней политики и глобальных проблем не только на уровне дипломатов, но и рядовых пользователей Интернета и мобильных телефонов может способствовать укреплению международной безопасности благодаря формированию атмосферы доверия в международных отношениях. В этом контексте программы цифровой дипломатии способствуют формированию единого информационного пространства, глобального гражданского общества, а также складыванию системы управления в мировой политике и разрешения кризисов и проблем, затрагивающих все страны мира.

В 2013 году было опубликовано исследование ОБСЕ «Подготовка к миру: коммуникация и разрешение конфликтов», в котором, среди прочего рассматривается потенциал социальных медиа и интерактивных он-лайн сервисов в миротворчестве и постконфликтном урегулировании.

Как отмечает А. Вархес, можно выделить несколько уровней конфликта, воздействие на которые при помощи каналов социальных медиа может быть эффективным при достижении целей постконфликтного урегулирования:

- индивидуальный уровень – новые медиа создают информационное пространство, в рамках которого их пользователи получают доступ к информации и новостям, а также коммуникативных инструментам, которые способствуют изменению их отношения к предмету конфликта, знаниям и поведению.
- отношения между локальными сообществами – создание Web 2.0 платформ, таких как Pease.Facebook.com, которые способствуют установлению отношений между сообществами, длительное время находившимися в конфликте друг с другом, как израильтяне и палестинцы.
- формирование институтов гражданского общества – распространение социальных медиа облегчает координацию коллективных действий на уровне гражданского общества, что способствует демократизации и участию различных групп в политическом процессе, содействуя постконфликтному урегулированию.

- государственный уровень – несмотря на то, что отдельные государства стремятся ограничить или запретить доступ к социальным медиа, это не всегда возможно, и многие режимы сотрудничают с он-лайн сообществами. Как отмечает автор, в Сирии государство не способно справиться с объемами он-лайн информации и контролировать эту сферу.
- международный уровень – социальные медиа могут привлекать внимание международного общественного мнения к проблемам конфликтного региона. Вместе с тем, автор отмечает, что международное внимание отнюдь не всегда способно воздействовать на ситуацию в регионе конфликта, изменить ее к лучшему [25].

III. Химелфарб отмечает, что уже сегодня можно привести ряд примеров, когда социальные медиа используются на уровне сообществ в целях урегулирования конфликтов, их предотвращения или постконфликтного урегулирования по следующим направлениям [26]:

- налаживание межэтнического диалога

Автор приводит в пример создание социальной сети молодых лидеров *Y a L a - Y o u n g Leaders* на Ближнем Востоке, которая включает в себя как палестинцев, так и израильтян, что позволяет налаживать связи и устанавливать взаимопонимание «на опережение», предотвращая новый виток конфликтного цикла.

- управление выборами

В Кении и Судане при помощи социальных медиа осуществлялся мониторинг процесса голосования, с целью исключить насилие или мошенничество, информация о которых распространялась при помощи социальных сетей. В обеих странах не так давно прошли референдумы, которые были расценены международными обозревателями как шаг на пути к предотвращению насилия.

- предотвращение криминала и бандитизма в Бразилии сообщества жителей фавел (*«палаточных городов» беднейших жителей*) используют социальную сеть Твиттер информирования, что способствует снижению уровня насилия, как со стороны преступных группировок, так и полиции. Аналогичные программы реализуются в Мехико.

- Выработка текста основного закона

В Египте при работе над текстом конституции страны были задействованы все граждане, мнения и предложения которых собирались при

помощи социальных медиа, хотя пример Египта и не является наиболее успешным. Однако аналогичный опыт показал свою эффективность в таких странах, как Марокко и Исландия, и вероятно, будет использоваться в будущем [26].

В силу своей популярности, социальные медиа широко используются на уровне сообществ, а также отдельных лиц, вовлеченных конфликт и заинтересованных в его урегулировании и снижении негативных последствий. Это доступное средство, снижающее стоимость коллективных действий, повышающее эффективность координации, не всегда дает одинаково успешные результаты, однако широко используется и очевидно, что данная тенденция сохранится и будет усиливаться в будущем [27].

В силу того, что проблематика использования социальных сетей в целях урегулирования конфликтов малоизучена, автору не удалось найти работ, посвященных вопросам повышения эффективности использования социальных сетей в урегулировании конфликтов. Следует отметить перспективность данного направления и обозначит возможные направления дальнейшего исследования. В частности, подсказать пути повышения эффективности урегулирования конфликтов и воздействия на конфликт при помощи социальных медиа может анализ информации, полученной на основании «больших данных», агрегируемых при помощи специального программного обеспечения на основании информации, размещаемой пользователями социальных сетей. Сегодня «большие данные» все чаще используются при анализе конфликтов, в том числе международных [28] [29].

Так, платформа Ушаиди (бесплатное программное обеспечение, позволяющее создавать картографические объекты с интерактивными возможностями) было использовано для исследования реальных масштабов насилия, совершаемого в отношении женщин в Кении. Платформа Викиликс, также относящаяся к Web 2.0 технологиям, позволила сделать доступной и прозрачной информацию о динамике, причинах и предпосылках конфликтов конфликты в Афганистане и Ираке, несмотря на то, что использование данной информации в анализе конфликтов возможно с определенными оговорками.

Проблематика оценки влияния социальных медиа на динамику конфликта, прежде всего, в контексте его эскалации и интернационализации, становится все более популярной в российской и зарубежной научной литературе [30].

Наибольшее количество работ посвящено исследованию событий арабской весны, получивших в СМИ название Facebook – революций и Twitter – революций. Если до событий арабской весны преобладал подход технооптимизма, в соответствии с которым новые медиа способствуют демократизации снижению конфликтности, то в настоящее время исследователи, как правило, рассматривают новые медиа как фактор эскалации конфликтов, то есть все большую популярность приобретает подход технопессимизма. Вместе с тем, новые медиа, как и любая другая технология, нейтральны, и могут быть использованы различными группами и в целях

разжигания, и урегулирования конфликтов. Однако исследования по роли социальных медиа в урегулировании конфликтов мало представлены в современной научной литературе.

В этих условиях актуализируется проблема выработки новой исследовательской повестки дня, учитывающий риски и неоднозначный характер влияния социальных сетей на общество и политический процесс, для чего необходимо в исследованиях привлекать инструментарий теории политической коммуникации, результаты анализа на основании больших данных и инструменты конфликтологии и теории международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. O'Reilly T. What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. // Oreilly.com 30.09.2005 URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>
2. Stayner J. Web 2.0 and the transformation of news and journalism // Handbook of Internet Politics. / Ed by A. Chadwick, London: Routledge, 2008. Pp. 100-118.
3. Мельвиль А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. – М.: Просвещение, 2004. – С. 106-142.
4. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. – MIT press, 1993.
5. Sustain J. Public.com 2.0. NJ: Rincenton University Press, 2007. URL: <http://www.dsg.ae/portals/0/ASMR2.pdf>
6. Drezner D. W., Farrell H. Introduction: Blogs, politics and power: a special issue of Public Choice // Public Choice. – 2008. №. 1-2. P. 1-15
7. Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. London: Willey, 1996.
8. Sunstein C. The daily we: Is the internet really a blessing for democracy // Boston Review. 2001. №. 3. URL: <http://bostonreview.net/cass-sunstein-internet-democracy-daily-we>
9. Anderson B. I. C. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: 1983.
10. Nye J. Cyber Power. Belfer Center for Science and International Affairs, 2010. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/cyber-power.pdf>
11. Лукьянов Ф.А. Сила мягкость ломит: в чем слабость внешней политики России // Forbes. 28.08.2015. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/tsennosti/297945-sila-myagkost-lomit-v-chem-slabost-vneshnei-politiki-rossii>
12. Гилев А.О. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. №5. 2014. <http://www.globalaffairs.ru/number/Mnogomernaya-voyna-i-novaya-oboronnyaya-strategiya-17101>
13. Nye J. S. The future of power. – PublicAffairs, 2011.
14. Aday S. Blogs and bullets. New media in contentious politics // United States Institute of Peace. August 2010. №5. URL: <http://www.newmediacenter.ru/wp-content/uploads/2011/10/adayetal2010.pdf>
15. Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter // Arab social media report. May 2011. № 2(1). URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/dsg/unpan050860.pdf>
16. Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО Университета. 2014. №. 6 (39) Сс. 61-67
17. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратегемы для России / Под ред. А.И.Смирнова. М. 2011: ВНИИГеосистем, 2014
18. Morozov E. The Digital Dictatorship // Wall Street Journal. 20.02.2010.
19. Черненко Е.В. Мир домену твоему. Россия определилась с политикой информационной безопасности // Коммерсантъ. 01.08.2013. № 135 (5166). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2245463>
20. Weidmann N. Communication networks and the transnational spread of ethnic conflict // Journal of Peace Research. 2015. № 3 (52).

21. Warren T. Explosive connections? Mass media, social media, and the geography of collective violence in African states // *Journal of Peace Research*. 2015. № 3 (52).
22. Bailard K. Ethnic conflict goes mobile: Mobile technology's effect on the opportunities and motivations for violent collective action // *Journal of Peace Research*. 2015. № 3 (52). Pp. 323-337
23. Zeitzoff T. Using Social Media to Measure Conflict Dynamics: An Application to the 2008-2009 Gaza Conflict // *Journal of Conflict Resolution*. 2011. № 55(6). Pp. 938-969
24. Castells M. The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. № 616. Pp. 78-93
25. Preparing for peace. Communications and conflict resolution / Ed by Grozier S., Yee S. –Vienna: OSCE Publishing, 2012. URL: <http://www.osce.org/networks/98116?download=true>
26. Himelfarb S. Social Media and Conflict Prevention // US Institute of Peace. 20. 12.2012. URL: <http://www.usip.org/publications/social-media-and-conflict-prevention>
27. Кирка А.В. К вопросу о структуре социально-сетевых коммуникаций // *Политика и Общество*. – 2015. – 7. – С. 863 – 872. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.7.15690.
28. Шалимов А.Б. Диалектика социального и индивидуального в социальных сетях // *Психология и Психотехника*. – 2013. – 11. – С. 1030 – 1036. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.11.10108.
29. Курилкин А.В. Теоретико-методологические основы исследования информационных войн и психологических операций // *Тренды и управление*. – 2014. – 3. – С. 264 – 270. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12748.
30. Яшина А.В. Информационные технологии и трансформация системы обеспечения безопасности. // *Вопросы безопасности*. – 2014. – 4. – С. 104 – 130. DOI: 10.7256/2409-7543.2014.4.13332. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_13332.html

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. O'Reilly T. What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. // O'Reilly.com 30.09.2005 URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>
2. Stayner J. Web 2.0 and the transformation of news and journalism // *Handbook of Internet Politics*. / Ed by A. Chadwick, London: Routledge, 2008. Pp. 100-118.
3. Mel'vil' A.Yu. Stanovlenie transnatsional'noi politicheskoi sredy i «volny» demokratizatsii // *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika: Uchebnik dlya vuzov* / Otv. red. A.V. Torkunov; MGIMO(U) MID Rossii. – М.: Prosveshchenie, 2004. – S. 106-142.
4. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. – MIT press, 1993.
5. Sustain J. Public.com 2.0. NJ: Rincenton University Press, 2007. URL: <http://www.dsg.ae/portals/0/ASMR2.pdf>
6. Drezner D. W., Farrell H. Introduction: Blogs, politics and power: a special issue of Public Choice // *Public Choice*. – 2008. №. 1-2. R. 1-15
7. Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. London: Willey, 1996.
8. Sunstein C. The daily we: Is the internet really a blessing for democracy // *Boston Review*. 2001. №. 3. URL: <http://bostonreview.net/cass-sunstein-internet-democracy-daily-we>
9. Anderson B. I. C. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: 1983.
10. Nye J. Cyber Power. Belfer Center for Science and International Affairs, 2010. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/cyber-power.pdf>
11. Luk'yanov F.A. Sila myagkost' lomit: v chem slabost' vneshnei politiki Rossii // *Forbes*. 28.08.2015. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/tsennosti/297945-sila-myagkost-lomit-v-chem-slabost-vneshnei-politiki-rossii>
12. Gilev A.O. Mnogomernaya voina i novaya oboronnaya strategiya // *Rossiya v global'noy politike*. №5. 2014. - <http://www.globalaffairs.ru/number/Mnogomernaya-voina-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101>
13. Nye J. S. The future of power. – PublicAffairs, 2011.
14. Aday S. Blogs and bullets. New media in contentious politics // *United States Institute of Peace*. August 2010. №5. URL: <http://www.newmediacenter.ru/wp-content/uploads/2011/10/adayetal2010.pdf>
15. Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter // *Arab social media report*. May 2011. № 2(1). URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/dsg/unpan050860.pdf>
16. Manoilo A.V. Informatsionnyi faktor tsvetnykh revolyutsii i sovremennykh tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2014. №. 6 (39) Сс. 61-67.

17. Global'naya bezopasnost' v tsifrovuyu epokhu: stratagemy dlya Rossii / Pod red. A.I.Smirnova. M. 2011: VNIIGeosistem, 2014
18. Morozov E. The Digital Dictatorship // Wall Street Journal. 20.02.2010.
19. Chernenko E.V. Mir domenu tvoemu. Rossiya opredelilas' s politikoi informatsionnoi bezopasnosti // Kommersant". 01.08.2013. № 135 (5166). URL:<http://www.kommersant.ru/doc/2245463>
20. Weidmann N. Communication networks and the transnational spread of ethnic conflict // Journal of Peace Research. 2015. № 3 (52).
21. Warren T. Explosive connections? Mass media, social media, and the geography of collective violence in African states // Journal of Peace Research. 2015. № 3 (52).
22. Bailard K. Ethnic conflict goes mobile: Mobile technology's effect on the opportunities and motivations for violent collective action // Journal of Peace Research. 2015. № 3 (52). Pp. 323-337
23. Zeitoff T. Using Social Media to Measure Conflict Dynamics: An Application to the 2008-2009 Gaza Conflict // Journal of Conflict Resolution. 2011. № 55(6). Pp. 938-969
24. Castells M. The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. № 616. Pp. 78-93
25. Preparing for peace. Communications and conflict resolution / Ed by Grozier S., Yee S. –Vienna: OSCE Publishing, 2012. URL: <http://www.osce.org/networks/98116?download=true>
26. Himelfarb S. Social Media and Conflict Prevention // US Institute of Peace. 20. 12.2012. URL: <http://www.usip.org/publications/social-media-and-conflict-prevention>
27. Kirka A.V. K voprosu o strukture sotsial'no-setevykh kommunikatsii // Politika i Obshchestvo. – 2015. – 7. – С. 863 – 872. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.7.15690.
28. Shalimov A.B. Dialektika sotsial'nogo i individual'nogo v sotsial'nykh setyakh // Psikhologiya i Psikhotekhnika. – 2013. – 11. – С. 1030 – 1036. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.11.10108.
29. Kurilkin A.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya informatsionnykh voin i psikhologicheskikh operatsii // Trendy i upravlenie. – 2014. – 3. – С. 264 – 270. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12748.
30. Yashina A.V. Informatsionnye tekhnologii i transformatsiya sistemy obespecheniya bezopasnosti. // Voprosy bezopasnosti. – 2014. – 4. – С. 104 – 130. DOI: 10.7256/2409-7543.2014.4.13332. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_13332.html